Почерк палача

Автор:
Николай Леонов

Почерк палача

Николай Иванович Леонов

Гуров #26

Всех их убивали одинаково – выстрелом в затылок. Так стреляет палач. Свыше тридцати человек, владельцев престижных иномарок, нашли свой последний приют на тайном кладбище бандитов. Полковник Гуров, расследующий это дело, чувствует, что он подошел совсем близко к разгадке, ведь его уже «заказали» киллеру-профессионалу, за ним непрестанно следят, пытаясь запугать, на него давят со всех сторон. Но когда Гуров идет по горячему следу, ничто не может остановить его: ни пуля, ни угрозы, ни оборотни, еще вчера казавшиеся друзьями.

Николай Леонов

Почерк палача

Пролог

В жизни семьи наступили светлые дни, каких не случалось, пожалуй, со дня свадьбы. И у Марии, и у Гурова работа и прочие дела неожиданно отодвинулись на второй план. На авансцене оказались они сами, их любовь и внимание друг к другу; оба талантливые, сильные и упрямые, они постоянно думали друг о друге, старались провести вместе как можно больше времени.

Мария, тридцатипятилетняя прима одного из модных московских театров, готовилась к трехмесячному турне по Италии, Франции, Соединенным Штатам и другим странам. Гуров, старший инспектор Управления уголовного розыска России, еще не отгулял положенные дни после единственного за свои сорок два года жизни ранения, а также очередной отпуск и собирался в деревню к родителям. Отец, в недавнем прошлом генерал-полковник, и мать, доктор наук, ушли на пенсию и неожиданно продали душу двадцати соткам под Херсоном. В жизни с людьми случается всякое.

На пороге долгой разлуки семейные неурядицы стали казаться маленькими и смешными. Мария и Гуров отбросили забрала, они больше не думали, кто из них в семье главнее, а старались доставить друг другу максимум приятных минут.

Отбросив прочь все заботы, они дурачились, чувствовали себя неприлично молодыми, а их близкие друзья, понимая, что с ними творится, отошли в сторону и не докучали телефонными звонками. Кроме всего прочего, у супругов появились деньги, «презренный металл», весьма облегчающий жизнь человека. Супруги получили отпускные, а Гурову выдали к тому же еще на лечение и какие-то надбавки.

Разъезжались они через несколько дней. Дальше Марии предстояло жить на иждивении бухгалтера и суточных, а Гурову деньги в обозримом будущем и вовсе были не нужны: подарки уже заготовлены, а питание в обеспеченном родительском доме – не проблема.

Они собирались в город. Мария остановила мужа посередине комнаты, взяла за уши, расцеловала и торжественно произнесла:

– Полковник, слушать внимательно, хотя можно и не запоминать, я нахожусь рядом.

– Понял. – Гуров щелкнул каблуками. – Особенно приятно то, что ничего не нужно запоминать.

– Мальчишка. – Мария открыла свою сумочку. – Деньги у тебя?

– Час назад были у меня, – он вынул из кармана перетянутую резинкой толстую пачку денег.

– Нам следует купить хорошие туфли мне, иначе я не смогу добраться до Рима. И купить тебе костюм. Я в восторге от костюмов, которые твой папа привез тебе из Германии. Но за это время даже Берлинская стена разрушилась, а эти костюмы ты все еще носишь.

– Я аккуратный. Они мне стали словно родные.

– Отставить, полковник. Операция проводится следующим образом. Мы выезжаем на Тверскую, следуем по одной ее стороне, затем возвращаемся по обратной. Лева, запомни, на другие вещи мы даже не смотрим.

– Запоминать не велено, – изображая механического человека, ответил Гуров.

– Лева, прояви свою железную волю. – Мария заглянула мужу в глаза. – Умоляю, прояви свою отвратительную железную волю, иначе через час мы останемся без денег и с целой кучей ненужных вещей. Мужской костюм и женские туфли. Все!

– Самое правильное – не выходить из дома, – сказал Гуров.

– А туфли и костюм?

– Туфли ты купишь себе где-нибудь за границей, а костюм у меня не один. Да и в деревне костюм особенно не нужен, – сказал Гуров. – У меня есть не только воля, у меня и с логикой порядок.

– Иногда ты становишься противным, – констатировала жена, выходя из квартиры.

«Пежо» стоял у подъезда, днем Гуров не ставил машину в гараж. Первым, кого он увидел, открывая жене дверцу машины, был белобрысый, крепко сложенный парень лет двадцати с небольшим.

Он сопровождал Гурова уже третий день, именно сопровождал, не следил, не преследовал, просто открыто ездил за полковником на стареньком «Опеле» чуть ли не довоенного года выпуска. Гуров обратил внимание, что этот раритет не громыхал движком, не скрипел, а передвигался исправно и сравнительно бесшумно. Чего добивался парень, ему было совершенно непонятно. На второй день Гуров попросил инспектора ГАИ остановить «Опель» и проверить у парня документы. «Опель» оказался сравнительно молод: пятидесятого года рождения. А его водитель – Илья Титов родился в семьдесят четвертом, работал механиком на станции обслуживания иномарок, отслужил в армии, не судим, не задерживался. В общем, все в порядке. Вот только катался в свободное время за полковником. Гурова так и подмывало сесть в «Опель» и расспросить этого самого Илью о жизни. Но Гуров неизменно придерживался правила: сказавший «а» должен говорить «б».

Сегодня, усадив Марию в машину и направляясь к водительскому месту, сыщик нарушил свой зарок и, встретившись с Ильей глазами, приветственно поднял руку. Парень с достоинством поклонился.

– Интересный мальчик… Кто он? – спросила Мария.

– Мой поклонник. – Гуров включил движок. – Или ты считаешь, что поклонники существуют только у артистов?

Мария приняла слова мужа всерьез и удивилась:

– А чего же тогда он никогда не подойдет, не заговорит? Полагаешь, он мечтает стать ментом?

– Родная, мы порой называем себя ментами, но это не совсем правильно…

– А костюм тебе буду выбирать я. Знаешь, милый, мне кажется, тебе подойдет двубортный в серых тонах. А то все твои костюмы однобортные. Такой цвет тебе к лицу, но мы поищем что-нибудь оригинальное. И еще обязательно рубашку под бабочку и серебряные запонки.

– Женские туфли, мужской костюм – таков приказ. Деньги у меня, сопротивление бесполезно, – решительно отрапортовал Гуров.

– Господин полковник, а если к туфлям я решу купить еще и чулки? – ласково спросила Мария.

– И норковое манто, – добавил Гуров.

– Тогда придется продать машину, – продолжала Мария. – Скажи, а мы всегда будем бедными?

– Мы богатые. – Гуров посерьезнел. – У нас две квартиры, отличная машина, и нас двое.

В последние годы он не заходил в магазины, а уж в дорогие тем более. Когда они вошли в стеклянные сверкающие двери, миновали охранника в галунах, то сыщик непроизвольно отметил, что пистолет у отставника находится чуть выше правой ягодицы, скрытый под фирменной курткой. К ним навстречу тут же торопливо зацокала каблучками элегантная дама.

– Здравствуйте, чем могу вам помочь? – поинтересовалась она.

Кто-то из девушек узнал Марию Строеву, зашелестел легкий шепот. Гостей, а они на этот момент оказались единственными, разглядывали с любопытством.

Мария объяснила, какой именно костюм она хотела бы купить для мужа. У нее с продавцами завязался оживленный разговор, Гуров отошел к витрине, рассеянно поглядывая на улицу и думая, что подобные магазины он видел в основном по телевизору.

Затем дама, возможно хозяйка магазина, стала звонить по телефону. Мария улыбаясь подошла к мужу:

– Дорогой, ты ведешь себя так, словно все происходящее тебя совершенно не касается.

– Давай лучше поедем, купим тебе туфли, чулки… В общем, все остальное, а меня оставим в покое. Я уже устал и совсем не собираюсь превращаться в манекен.

– Лева, приобретать хорошие вещи – большое искусство…

Сквозь витрину Гуров увидел, как четверо парней окружили «Опель» Ильи. Шел какой-то бурный разговор, готовый перейти в драку. Гуров торопливо выскочил из магазина, крепко взял ближайшего из парней за плечо.

– Приятель, на улице май и стоит отличная погода. Поверь, в такой день не ищут приключений.

– Мы хотели только узнать, в каком веке слепили этакий драндулет, – отозвался другой, вальяжно поставивший ногу на бампер машины.

– И вы пристаете к каждому старому человеку? – спросил Гуров. Быстро оценив группу, он определил, что главарь стоит за машиной и в случае драки его не достать. – Тверская, народ, оперативники, и вы из-за ерунды ломаете себе и людям день?

– Оставь, мужик, тебя не трогают, шагай дальше, – сказал главарь.

И в этот момент рядом оказался милицейский патруль.

– В чем дело, граждане? – спросил сержант.

Гуров ловко перепрыгнул через радиатор, оказался рядом с главарем, сжал ему кисть опущенной в карман правой руки.

– Полковник, умоляю, у нас сегодня праздник! – повысив голос, сказала Мария, выходя из магазина.

– Маша, минуточку! Вынь руку из кармана, иначе я сделаю тебе больно!

Парень густо покраснел. Сержант ткнул его в бок дубинкой:

– Сказали тебе, вынь руку… Слушайся!

В кармане у парня оказался обычный перочинный нож. Гуров отстранил сержанта, толкнул парня в сторону, сказал:

– Дорогая, извини, я весь внимание. – Он вернулся в магазин. – Я же говорю, мы неправильно начали. Девушки, вы знаете все и немного больше. Помогите моей супруге купить туфли.

Оказалось, что женская обувь в другом магазине. А туфли, которые хотелось Марии, она купила в Риме.

Глава 1

Старший оперативный уполномоченный по особо важным делам полковник милиции Лев Иванович Гуров и его друг и непосредственный подчиненный полковник Станислав Крячко сидели за своими служебными столами, стоявшими вплотную друг к другу, что называется лоб в лоб, у единственного окна кабинета. На подоконнике красовался кактус. Станислав ухаживал за ним, так как в книге о цветах было написано, что кактус один раз в два года должен цвести каким-то необыкновенным образом. Он стоял на своем месте уже восьмой год, цветка не намечалось, но выбросить корявое игольчатое растение Станислав отказывался и даже присвоил ему имя Федя.

За спинами оперов в углах стояли облезлые, некогда зеленые сейфы. У входной двери справа имелся вместительный платяной шкаф, где находилась полковничья форма офицеров. Они надевали ее в редчайших случаях, а Гуров – так только по приказу.

У стены слева стояли еще один письменный стол и четыре стула. За столом никто не сидел, он так и назывался «ничейный», а стулья приставлялись к столам оперов, когда приходилось беседовать с посетителями. Портретов на стенах никогда не было, даже во времена, когда портрет «вел и вдохновлял».

Гуров и Крячко числились в штате одного из отделов, но на оперативку не ходили и отношения с начальником отдела поддерживали дружеские, но не деловые, и приказов от него не получали. Такой порядок установился лет десять

назад, когда Гуров и Крячко вместе с генералом Орловым, начальником управления, перешли в министерство из МУРа и стали людьми генерал-лейтенанта, так что никому другому просто не приходило в голову приставать к ним с различными поручениями и просьбами.

Коллеги полковникам не завидовали, так как Орлов приходил на службу еще до девяти, а уходил как придется, случалось, и ночью, и под утро. Если же по неизвестным причинам на контроле у замминистра или администрации не находилось никаких дел, друзья были абсолютно свободны; и тем не менее их телефоны находились у секретарши Орлова Верочки, то есть поводок присутствовал всегда.

Последние трое суток наблюдалось затишье. Нет, в городе все было как обычно: убивали, взрывали и грабили по-прежнему, но МУР и райуправления начальство не беспокоило. Объяснялось подобное положение просто: убивали простых людей, никого из властей предержащих или их родственников не тронули, такое иногда тоже случается.

Два предыдущих дня сыщики бездельничали, но в этот день Гуров решил привести в порядок свое бумажное хозяйство. Работа для всех оперативников нелюбимая, как мытье посуды, но, как говорится, сколько ни откладывай, но день придет. Они потрошили свои сейфы, Гуров тщательно и педантично, Станислав жульничал. Казалось, Гуров был занят исключительно своими бумагами, но порой раздавался его насмешливый голос:

– Не возвращай бумаженцию в «разное», отпиши по ней рапорт.

Станислав бормотал, что, мол, обидеть младшего легче всего, но аккуратно исполнял распоряжения друга.

В дверь небрежно постучали, и на пороге появилась секретарша генерала – очаровательная Верочка.

– Здравствуйте, господа офицеры, – голос Верочки не предвещал ничего хорошего. – Вас просит заглянуть на минуточку Петр Николаевич.

Оперы дружно поздоровались, хотя, появляясь утром, всякий раз начинали свой рабочий день с того, что целовали Верочку в щечку, называя поцелуй обрядом

посвящения.

Когда оперативники, миновав двойные деревянные двери, переступили порог кабинета, они поняли, почему голос секретарши звучал так слащаво и неискренне. Кабинет начальника главка был невелик, и около десяти офицеров уже сидели за столом для совещаний, а двое стояли у стены.

– Здравия желаю! – Гуров прошел кабинет и открыл форточку, здесь было его законное место.

Станислав с удивлением взглянул на подполковника, посмевшего занять «персональный» стул Крячко.

Орлов в рубашке сидел за своим столом; взглянув на сидевшего напротив молодого генерала, он сказал:

– Ребята прибыли, докладывайте изначала.

– Из-за двух человек, господин генерал-лейтенант…

– Меня зовут Петр Николаевич. Ваши люди ничего толкового предложить не могут, вы пришли к нам, хотя, видит бог, мы к этим событиям никакого отношения не имеем. Да ладно, я сам объясню, ты долго говоришь.

Орлов махнул рукой и перевел взгляд на своих сотрудников.

– Суть дела. В Москве пропадают люди. Так было и, к сожалению, будет. Присутствующие здесь офицеры занимаются розыском пропавших, часто убитых, и тут мы с ними, ясное дело, пересекаемся. Розыск убийц – наша работа. Среди множества пропавших без вести господа офицеры отобрали более тридцати и, заручившись поддержкой одного из замов, решили нам эти дела подарить. Ни заявлений об убийствах, ни трупов, ни оружия, люди просто пропали. Но вот кому-то все-таки кажется, что людей убили. А раз убили, значит, пусть работает старик Орлов и его волкодавы, они хорошо обучены.

Гуров прекрасно понимал: его друг и начальник, мягко говоря, преувеличивает. С подобными материалами никто в главк по раскрытию особо опасных

преступлений явиться бы не посмел. Значит, имеется еще нечто, и не маленькое, о чем Петр умалчивает. На сидевшего против Орлова генерала жалко было смотреть – редкие волосы вспотели, прилипли ко лбу, глаза красные, руки подрагивали.

«Петр пригласил меня для того, чтобы я забрал людей из его кабинета, – решил Гуров. – Генерал-лейтенант устал, видно, у него состоялся тяжелый разговор наверху, и ему необходима срочная помощь».

– Коллеги, я считаю целесообразным сменить обстановку, проветриться, пообедать и собраться у меня в кабинете. Как? Петр Николаевич, вы не возражаете?

– Нет. Если ты готов пахать чужой огород, так вольному воля.

– Спасибо. Тогда пошли.

В дверях чуть не образовалась толкучка. Орлов жестом позвал Гурова и тихо сказал:

– Там нечто проглядывается. Сможешь помочь – молодец. Но не дай тебе бог, мальчик, брать дела в наше производство. Тот зам, что направил этот кагал ко мне, с меня же и шкуру через месяц снимет.

– Понял! – Гуров погладил друга по плечу и отправился к себе.

В кабинете было не протолкнуться, Станислав даже не пытался рассадить гостей, а лишь уступил свой стул взмокшему генералу и ждал Гурова. Когда тот вошел, Станислав не удержался и съязвил:

– Начальство прибыло, телега поехала.

– Я так понял, что вы, ребята, здесь с утра и поесть вам не дали. Голодные отправляйтесь в столовую, прошу остаться инициатора дела и господина генерала.

– Китов Василий Васильевич, – представился генерал.

– Вам ведь и сорока нет? – спросил Гуров. – Как же вас угораздило в молодые годы на пенсионную должность устроиться? Лампасы заворожили? Ладно. Давайте о деле. А ты, майор, всю эту бузу и начал.

– Владимир Сидорович, – сказал майор. – Для вас, Лев Иванович, конечно, просто Володя.

– Давай, Володя, в двух словах. – Гуров подмигнул Станиславу, который уселся за ничейный стол, положил перед собой стопку бумаги и ручку.

– Двадцать восьмого марта я по указанию руководства начал составлять справку о разыскиваемых нами людях. И тут выяснилось, что среди обычных бомжей и малолеток-бегунков проглядывает изрядная группа людей совершенно не нашего окраса. Солидные люди, есть и богатые, встречаются и супружеские пары, чего вообще раньше никогда не случалось. Разве что один убивал другого и сбегал. И все без исключения, ну, из данной категории, пропали вместе с личными машинами.

– Интересно. – Гуров почесал за ухом. – Какие марки машин?

– В точку, Лев Иванович, – кивнул майор. – Только дорогие иномарки: «Мерседесы», «Ауди», джипы.

– Ехали на Кавказ либо в том направлении? – спросил Гуров, твердо решив с таким делом не связываться.

– В том-то и дело, что нет. Я таблицу умножения знаю, сюда не явился бы. – Майор явно обиделся.

– Станислав, если майор еще раз обидится, проводи до дверей. Я имею право задавать любые вопросы.

– Майор, ты понял? – продолжая писать, спросил Станислав.

– Так точно, господин полковник! – Майор поднялся со стула.

– Рано встал, – сказал Станислав. – Они поняли, Лев Иванович.

– Лев Иванович, разрешите, я сбегаю чашку кофе выпью? – спросил генерал.

– Можете даже не бегать, а сходить не спеша, – ответил Гуров и подмигнул майору. – Валяй дальше, хорошо докладываешь, молодец.

Майор зарделся, похвала самого Гурова – не кот чихнул.

– В основном машины зарегистрированы в Москве, три в области. Провели установки, люди никуда не собирались, в основном исчезли в субботу.

– Раз ты такой догадливый, майор, – улыбнулся Гуров, – я буду задавать тебе лишь половину вопроса. Какого возраста исчезнувшие?

– От тридцати до пятидесяти, но их ничего не связывает и на одной даче они не бывали.

– Хорошо, то есть плохо. Вместе чинились, красились, что-нибудь общее между пропавшими ты раскопал?

– Бензозаправки? – спросил Станислав.

– Совпадений не замечено, кроме одного случая, – майор отвечал, не заглядывая в блокнот, что тоже понравилось Гурову. – Двадцать шестого марта на бензозаправке на Ленинградском шоссе одновременно стояли две пропавшие машины «Чероки». Кажется, водители были знакомы, но это не точно. Деньги меняли друг другу, так это факт. Отъехали одновременно, что тоже ничего не говорит, мало ли там, подъезжают, отъезжают.

– Тогда доставай карту города, докладывай, кто где живет, где гаражи, в каких школах учатся дети, – сказал Гуров.

– А почему вы решили, что у меня такая карта имеется? – удивился майор.

– Догадайся, – Гуров взял карту, начал рассматривать значки. – Не густо. Трое проживали в самом центре. И стояли в одном подземном гараже. По гаражу

установку проводили? Были пропавшие между собой знакомы, не были?

– Людей не хватает, Лев Иванович, – ответил майор.

– Да на меня редко когда столько людей работало! – возмутился Гуров.

– Лев Иванович, не изображай из себя тигра, не получается, – сказал Станислав. – Этот Китов – та еще устрица. Ради лампасов на пропавших без вести пошел. В министерство армию привел, чтобы видели, какой он, генерал, старательный. Пять сотрудников ГАИ, из них лишь один инспектор, остальные начальники и на трассе не стоят. Спрашивается: какой с них толк? Шесть разыскников из РУОПа. Скажи, инспектор по розыску бомжей может опера из отдела куда-нибудь послать? Вот его самого в момент пошлют куда подальше, это точно. Один майор пашет, один, неужели не видишь? И не пытай его, прошу.

Гуров вздохнул и взглянул на майора.

– Генерала боишься? – спросил он. – Это он здесь такой тихий?

– Так ведь каждый генерал кричит, – пробормотал майор.

– Значит, с детьми вы не разобрались, – сказал Гуров.

– Виноват, Лев Иванович, – майор развел руками.

– Зачем вы пригласили сотрудников ГАИ? Инспектора стоят на разных шоссе или у вас есть основания считать, что машины и люди захвачены на одном шоссе? – спросил Гуров.

– Ну, гаишников приглашал не я и никакими данными о захвате машин за городом не располагаю. Но такова версия генерала. Он видит в происшедшем чеченский след. Мол, группа боевиков приблизилась вплотную к Москве, захватывает машины и заложников и гонит их в Ичкерию, – ответил майор.

– Красивая версия, а главное, она снимает с нас всякую возможность искать пропавших, – подвел итог Гуров. – Дело перерастает в международный конфликт, передается в ФСБ, и порядок.

Начали возвращаться приглашенные в министерство офицеры, и в кабинете вновь стало тесно.

– Сотрудники ГАИ могут быть свободны, благодарим вас за оказанное содействие, можете отправляться по месту службы. Марки машин, на которые необходимо обратить особое внимание, вам известны. Если в машине будет больше одного человека, убедительно прошу всех пассажиров выводить из машины и проверять документы. Постарайтесь исключить всякое психологическое давление бандитов. Господа офицеры, при этом вы и сами должны быть предельно собранны, переложите оружие в карман… Впрочем, вас учить не надо. Спасибо, вы свободны.

– Лев Иванович, я твердо убежден, что орудуют чеченцы, – заявил молодой генерал. – Мы ждали, когда сойдет снег и появятся «подснежники». Трупы найдены были, но это бомжи, да и то – давние, некоторые с глубокой зимы лежат. Ведь тридцать с лишним человек! Их куда-то спрятать надо? Мы выезжали на стройки, проверяли свежие котлованы – сейчас по Кольцевой Лужков огромное строительство ведет, – применяли собак, но ни одного трупа так и не обнаружили. Если бы орудовали наши беспредельщики, то хоть один труп они бы оставили. А здесь – ни одного!

– Вы правы, генерал, вы правы! – Гуров согласно кивал. – Я отпишу руководству рапорт, изложу свои соображения. Начальство решит, вас поставят в известность. Я заберу у вас майора Ромашина на несколько дней.

– Майора могу подарить, от него только одна головная боль, – рассмеялся генерал.

Генерал и сотрудники ГАИ ушли, остались четверо разыскников райуправления. Двое были совсем мальчики, видно, только вчера школу милиции закончили.

– Ребята, – сказал им Гуров. – Бегите на свои участки, там у вас дел невпроворот, работайте, учитесь, в общем, живите.

«Ребят» как ветром сдуло. Остались два мужика лет тридцати с лишним. Смотрели они на Гурова неласково, видимо, их раздражал лощеный вид полковника. Он усмехнулся и сказал им:

– Расслабьтесь, парни, никто на вас ездить не собирается, мне ваша жизнь знакома. – Помолчав, он добавил: – Я бы вас прикомандировал, да толку от вас… Двум богам не служат, свою землю и своих бандитов вы не бросите. Будете рваться надвое, а вас и на одно место не хватает.

– Считайте, вам повезло, – вставил Станислав. – Костюмчик глаженый, ботиночки сверкают, обман для фраеров. А сам зверь. Я живой при нем еще по чистому недоразумению.

– Четверть века за моей спиной хоронится и разные гадости говорит. Ну, я до тебя доберусь, Станислав, – огрызнулся Гуров и без всякого перехода спросил: – Ну, а вы сами что об этой истории думаете?

Слушая Станислава, оперы было заулыбались, а теперь враз потускнели.

– Меня Иваном зовут, в розыске пятнадцать. Майор, – представился опер. – С чеченами же мысли просто детские. Генералу главное, чтобы на мундире грязи не было. Я над делом голову поломал и пороха не изобрел. Московские это или областные, а может, смешанные беспредельщики. Знаете, Лев Иванович, я полагаю, они свое кладбище имеют. В нем владельцев машин и хоронят. Я проехал в Митино, на Головинское заглянул, правда, свежих захоронений подобного размера не видел. Но у бандитов оно имеется, чтоб я с места не встал. А машины и не все в розыске значатся. Родственница к нам обратилась с заявлением, мол, сын с невесткой пропали; пошаркали коридорами, поплакали, в конце концов заявление о пропаже людей у них приняли, а на машину – никогда. Говорят, да, может, продали они свою тачку да умотали, объявятся, люди солидные, не шелупонь какая-нибудь.

– Машины, конечно, могли и на Кавказ уйти, – добавил второй опер. – А так, кладбище не кладбище, но покоятся все уж точно в одном месте. Мы с Иваном тут кумекали – не ясно, с чего работу начинать. Искать машины без толку, даже если найдешь, у нее пятый хозяин.

– Захоронение надо искать. Коли появилось в почерке преступлений что-то новое, значит, и группа новая, сами знаете, наши клиенты – консерваторы, работают по старинке, новое не приемлют, – сказал Гуров.

– Старики консерваторы, – вставил Станислав, – молодые – те любят удивить, загнуть ранее невиданное. Только сами еще слабаки, а в группировке у них авторитета не хватает.

– Задание вам простое и старое, как мир, – сказал Гуров. – Пошепчитесь с агентурой, особо если она к какой-нибудь группировке притяжение имеет. Кто машину новую купил, кто там девку содержит не по деньгам. Вы волки тертые, объяснять вам лишнее дело, и сами знаете. Тридцать с лишним дорогих машин стоят денег, которые руки жгут, должны светиться. Один раз в рулетку проиграл, второй уже и неинтересно, тем более рядом и круче засаживают. А тратить деньги необходимо, иначе какой в них толк? Слабенькая ниточка, истертая, но достаточно действенная. Берите наши телефоны и звоните по любому, самому пустячному поводу. Человек марку сигарет сменил, а нам интересно. А уж дорогая зажигалка, считай, находка.

– С вами работать, Лев Иванович, можно, – сказал Иван.

– И полезно, – пожимая полковнику руку, поддакнул второй. – Вроде вы и хорошо известные вещи говорите, однако в мозгах проясняется. Главное, нет такой безысходности.

– Ты, Лев Иванович, не тем путем в жизни пошел. – Станислав сколол свои бумажки скрепочкой и убрал в папку. – Тебе бы ребят в институте обучать. Всякие там диссертации писать.

– Профнепригоден, – ответил Гуров. – Я даже из одного человека – правда, способности у него средненькие – сыщика настоящего сделать не сумел. Звякни Верочке, узнай, Петр свободен?

Генерал сидел на своем месте и, как обычно, что-то писал. Это была одна из причин, по которой Гуров не соглашался занять генеральскую должность. Его пугала необъемная гора бумаг, а также необходимость практически всегда находиться на месте.

Увидев своих гвардейцев, Орлов бросил опостылевшую ручку, потянулся, хрустнул суставами.

– Вот откуда берется старость, парни, а совсем не из календаря. Он отсчитывает свое, а жизнь – свое. – Генерал саркастически глянул на Гурова. – Как ты говоришь, ныряй, здесь неглубоко.

– Последнее отнимают, раздевают и даже не улыбаются. Это ведь моя присказка, Петр Николаевич, – обиделся Станислав.

– Прибаутки путаю. Что ж, сказывается уже мой возраст. Гуров, я тебя слушаю.

– Пропуская двадцать страниц текста и ничего не говоря о генерале Китове, скажу лишь суть. В городе или области появилась неизвестная ранее злокачественная опухоль. Как машину создали, так и начали ее угонять. Как человек палку взял, так и начал убивать ближнего. В данном случае убивают и угоняют одновременно.

– Ты не мальчик, соображаешь, убийство – наше дело, а угоны – чужое. На последнем отчетном докладе я и без того выглядел далеко не лучшим образом. Сейчас только апрель, мы стоим неплохо, но если я приму к производству тридцать с лишним дел неизвестного происхождения, то…

– Петр, а кто говорит, что нераскрытые дела следует забрать к себе? – перебил Гуров начальника. – Напиши справку, мол, тебе доложено, ты ознакомился и считаешь, что некоторые дела имеют перспективу. Мол, дал указание Гурову, как его там, оказать райотделу посильную помощь.

– Ну, ты и хитер. Если, значит, победа, так она наша победа, а коли поражение, мы тут ни при чем.

– Что выросло, то выросло, и все под твоим чутким руководством, – ответил Гуров. – В райуправлении имеется головастенький паренек, майор Ромашин. Я еще двух оперов настропалил и по старинке возьму у друга Нестеренко и Котова.

– Я твоему бате обещал, что ты на этой неделе приедешь, – в голосе Орлова прозвучала безнадежность.

– В школе я вообще учился отвратительно и каждую субботу давал зарок, – Гуров развел руками.

Крячко, редко встревавший в разговор старших, неожиданно сказал:

– Активно действующая группа. Не остановить – могут натворить такое, что жить не захочется.

Генерал взглянул на Станислава несколько удивленно: тот работал прекрасно, но инициативу проявлял редко, полагая, что начальству виднее.

– Мысль верная, не ясно только, кого и где искать. Свяжитесь с ребятами, занимающимися угонами. У них среди преступников наверняка имеется агентура, доверенные лица, да и просто хорошие отношения. Не может быть, чтобы никто ничего не знал. Угонщики могли пересекаться с убийцами при продаже машин, при изготовлении свежих липовых документов. Вам придется эту угонную систему освоить, выявить купцов, прибывающих за машинами с Кавказа.

Вы сами особо в детали не вникайте, не разменивайтесь, иначе потонете, как в болоте. Пусть данными вопросами занимаются Нестеренко и Котов. А ты, гений, – генерал долго смотрел на Гурова, – попробуй встать сбоку, взглянуть на все со стороны и попытайся смоделировать банду из трех-четырех человек, которые не просто угоняют машины, а еще убивают владельцев. При том, как сегодня угонщики наловчились нейтрализовывать любые замки, запоры, сигнализации, эти убийства объяснить сложно. Учтите, я доложу генерал-полковнику, что вы занялись таким делом, так что не удивляйтесь его прямому вопросу.

– Ну, мы пошли, будем на связи, – сказал Гуров, поднимаясь с места. – Я сам лекарства терпеть не могу, но ты, Петр, принимай что-нибудь от давления. Скажи супруге, она наверняка какую-нибудь травку знает.

– Да я без хлопот это кресло тебе отдам, – ответил Орлов.

– Не получится, у тебя денег не хватит.

Гуров и Станислав уже стояли в дверях.

– Каких таких денег? – не понял генерал.

– На возмещение мне морального ущерба, – ответил Гуров; оперативники хохотнули и выскочили из кабинета.

Центр был, как всегда, забит, и Илья Титов вяло тащился в своем ряду, изредка поглядывая на «Пежо» Гурова.

Илья катался за полковником шестой день и давно понял, что избрал неверную тактику. Парень не сомневался, что, увидев за собой «хвост», важняк тормознет нахала и вынет из него душу. Илье и требовалось познакомить Гурова со своей душой, так ведь не напросишься на прием, не сядешь за канцелярский стол, не скажешь – господин полковник, взгляните, какая интересная у меня душа, когда и сам-то в ней разбираешься скверно.

Полковник «хвост» сразу засек, выбрался на трассу, легко ушел, машины-то, мягко говоря, разные. На следующий день Илья вновь зацепился за «Пежо» в центре, где мощность движка значения не имела. Тащились по Бульварному кольцу, Илья нахально уперся в бампер «Пежо», и полковник дружески помахал ему рукой в зеркало заднего вида.

Странный сыщик, рассуждал Илья, за ним неизвестно кто изо дня в день катается, а он лишь вежливо раскланивается, и – никакого интереса. Парень не знал, что уже на второй день Гуров вызвал Гришу Котова и попросил поинтересоваться владельцем экзотического «Опеля». Еще через сутки сыщик знал, что парень живет в Хлебном переулке, считай, рядом с матерью, которая преподает литературу в университете и подрабатывает частными уроками английского. Отец оставил семью в давние времена, систематически платил хорошие алименты, в доме бывал, приносил дорогие подарки. Илья Титов служил в армии, где работал водителем – возил комполка, а на втором году и командира дивизии. Предлагали сверхсрочную, он отказался. Вернувшись из армии, сразу устроился автомехаником и, по мнению автомобилистов, имел золотые руки.

Куда бы Котов ни обращался, везде Илью хвалили, если не считать таких выражений, как зазнайка и страшный бабник. Но старушка, наградившая его подобной характеристикой, обмолвилась, мол, иначе и быть не могет, ежели они, бабы, сами за ним нагло увиваются.

Григорий Котов, приглядываясь к объекту, признавал, что так и должно быть. Двадцать три года, по сегодняшним понятиям, почти не пьет, хорошо зарабатывает, рост сто девяносто, фигура легкая, физиономия нормальная, да и проживает с мамой в двухкомнатной квартире. Имеются жилищные перспективы.

Гуров, получив на Титова подобные характеристики, решил проблему преследования просто: парнишка хочет познакомиться. Все у него в порядке, нигде ни зазубринки, и рвется он на оперативную работу. Но если идти путем обычным, пристроят тебя участковым либо опером в отделение милиции. А парень имеет о себе особое мнение и начинать с первой ступеньки не желает. Кто-то из приятелей ему и подсказал фамилию «важняка»-полковника, мол, познакомься, обаяй, тогда возьмет «важняк» тебя в свою группу. Поначалу будешь на посылках, там оглядишься и развернешься. Но Гуров знал твердо: каждый приличный опер должен начинать с земли и идти своим путем, иначе из него ничего не получится.

«Дай мне щенка овчарки самых племенных кровей, – рассуждал сыщик, – если место у брюха матери не завоюешь, если старшие тебя уму-разуму не научат и ты свою миску защищать не научишься, десятки километров зазря не протопаешь, у нерадивого проводника лапу не пососешь, вырастет из тебя красивый комнатный кобель, которого любой пьяница поленом огреет и сделает трусом на всю оставшуюся жизнь. Путь через верха – гнилой путь, дорога в никуда.

Хочешь за мной кататься – твое дело, надоест – отстанешь или сам на контакт пойдешь, на свою гордыню наступишь».

Илья решил действовать, включил указатель правого поворота, вскоре Гуров ответил тем же. Они начали искать место для парковки и в конце концов зарулили в большой двор.

– Ну, здравствуй, Илья Титов! – Гуров протянул руку.

– Здравствуйте, Лев Иванович! – Титов неожиданно для себя смутился, что Гурову понравилось.

– Мог бы не жечь бензин, подойти сразу. – Гуров рассмеялся. – В милицию, как к зубному врачу, следует двигаться рысью, не оглядываясь. Известно, что ни там, ни там человека не ждет ничего хорошего.

– Лев Иванович, я хочу служить в милиции, – начал издалека Илья.

– Нормальная мужская работа. Платят мало, так много все равно никогда не бывает, – ответил Гуров, чувствуя, что парень что-то недоговаривает. – Дорога к нам простая и за полковниками гоняться необязательно. Отдел кадров на Петровке, рекомендую сразу поступить в школу милиции. Закончишь – и в отделение, а может, сразу и в райуправление, но это хуже.

– А почему хуже? – идти такой дорогой Илья явно не собирался, однако был любопытен.

– Если в детстве сказки не читать, то, повзрослев, их читать точно не станешь. А жить без сказки скучно, а на нашей работе и опасно, – ответил Гуров, изучая Илью и ощущая в нем незримый тайничок.

– Лев Иванович, а внешняя разведка у вас имеется?

Гуров рассмеялся и понял, что с парнем следует разобраться, а здесь, во дворе, под взглядами любопытных тетушек, это невозможно.

– Я бы чего-нибудь съел да чашку кофе выпил, – сказал Гуров.

– Тут через дом есть приличная забегаловка, – ответил Илья.

Гуров оглядел двор, погладил крыло своей машины.

– Боитесь, угонят? – спросил Илья.

– Не угонят, так покалечат. Давай припаркуемся неподалеку от инспектора, я ему пару слов шепну, а потом кафе найдем, сегодня это не проблема.

Так все и сделали, а вскоре уже сидели в маленьком чистеньком кафе.

– Если тебя интересует работа за рубежом, то следует в ФСБ идти, – сказал Гуров. – А у нас если куда и пошлют, так не приведи господь.

– Я две недели в Анталии еле выдержал, – признался Илья. – Я человек российский.

– Это хорошо, – ответил Гуров, все еще не понимая, куда парень клонит. – Честно скажи, что ты от меня хочешь?

– Действительно, что мне темнить? Я хочу быть вашим агентом. Не сотрудником-офицером, а агентом-нелегалом. Не делайте каменное лицо, это прежде все было совершенно секретно, а сегодня об агентуре знают и каждый дворовый пацан, и бабки на лавочке.

Гуров не сдержал улыбки:

– И много ты знаешь? Верно, она существует и работает. Атомное ядро ведь тоже можно расщепить, но ты не знаешь, кто, где и как это делает, хотя о физиках-атомщиках можно прочесть в сотнях газет.

– Вы обучите, – сказал Илья.

– Ты выглядишь умным парнем, а голова у тебя забита неизвестно чем. Забудь про это, как про дурной сон.

– А чем, собственно, разведчик отличается от агента, работающего в преступной среде?

Смутная, еще не оформившаяся мысль мелькнула в голове Гурова, и он спросил:

– А у тебя в уголовной среде связи имеются?

– Сегодня – нет, но захочу – будут, – ответил Илья.

– Лучше не надо, парень. Ты в автосервисе работаешь? И руки, говорят, у тебя золотые, если иномарки дорогие – так только к тебе, ни к кому другому.

– А вы много обо мне знаете, – усмехнулся Илья.

– Ты хотел кататься за профессионалом сыска и оставаться инкогнито? Так не бывает, либо ты катаешься за фраером. И вообще, дурака не валяй, занимайся своим делом, совершенствуйся. Я не знаю, сколько ты там зарабатываешь, но наверняка вдвое больше, чем опер отделения. Налог бандитам платите?

– Не мое, – Илья отгородился ладонью. – Есть бригадир, начальство, у них свои дела. Я и с ребятами-механиками, такими, вроде меня, дружбы не поддерживаю. Они каждый день выпивают, работают в комбинезонах, до которых я только ногой могу дотронуться, клиентам впаривают что надо и не надо. Я им говорил, а они смеются, мы, мол, работяги, нам положено. Неподалеку от нас автосервис есть, там хозяин – мужик крутой, и порядки строгие. Я хотел к ним перебраться, к тому же у них настоящего электронщика нет, но они меня бортанули.

Гуров слушал внимательно. Илья ошибался, когда утверждал, что связей среди уголовников не имеет. Сегодня техобслуживание иномарок – золотая жила, даже если работать наичестнейшим образом. Так не бывает: золото есть, а уголовников нет.

В Гурове происходила борьба – с оперативной точки зрения Илья Титов парень очень даже интересный, но продвигать его к уголовникам аморально, да и крайне сложно. Парень в зоне не был, не пьет, в картишки не перекидывается, взял инструмент, отдал инструмент. Бригадир в нем очень заинтересован, потому и не отдал соседу. Возможно, и попасть на ремонт к Титову не просто, и за это деньги берут. «А может, он все прекрасно знает и долю берет, а меня просто проверяет, секу я в их деле или нет? – промелькнула у него мысль. – А если Титов гонец от бандитской группировки, которую мы разрабатываем? Выбрали парня интеллигентного, чистого, познакомься, говорят, с Гуровым, узнай, как дела, далеко ли они продвинулись? Парень неделю за мной катается, мол, агентом хочет стать. Жидковата версия…» Сыщик решил пойти напрямик.

– Что ж, если рассуждать теоретически, то, учитывая твою профессию и положение в коллективе, можно получить некоторый навар. – Гуров увидел в глазах парня угасший было интерес. – Считается, что агент должен быть

личностью серой, незаметной, не воспринимать окружение всерьез. Так, значит, и информацией он будет обладать серой, малозначительной. Меня же не устраивает, если на машине старый аккумулятор поменяли на старый, лишь свежезаряженный, а тормозные колодки и вовсе не меняли. Какая информация меня интересует, я тебе скажу позже, не сегодня.

– Значит, мы еще увидимся? – обрадовался Илья.

– Обязательно. Ты мне ответь на такой вопрос. Допустим, что на вашу станцию, якобы для тщательной диагностики, поступили два «мерса». Практически новые. Тебя к машинам не допускают, работают с ними сам бригадир и его личный приятель. Ты заметил, что на машинах перебивают номера, а к владельцам они уходят без номерных знаков. Ты сможешь поставить меня в известность об этом?

– Нужно, чтобы об этом еще кто-то знал.

– Верно. Лучше, чтобы знали двое.

– Смогу, – уверенно ответил Илья. – Вы берете владельцев, в конце концов приезжаете к нам и проводите общую чистку.

Цинизм парня покоробил даже старого сыщика.

– Наверняка два «мерса» будут только частью цепи, – добавил Илья.

– О цепи подожди. Бригадир семейный?

– Черт его поймет, там с бабами неразбериха.

– А как ты самому бригадиру в глаза будешь смотреть?

– Так он вор!

– Вор, – согласился Гуров. – Но в тюрьму отправится именно он, Иван Иванович, который тебя вчера бутербродом с колбасой угостил. А следующий твой клиент будет с детьми и старушкой-матерью. У тебя со сном нормально?

– Так вы меня отговариваете? И каждого так отговариваете? – Илья побледнел.

– А ежели товарищи твои что-то просчитают и судилище над тобой устроят? – продолжал давить Гуров. – За что умирать будешь?

– Не думал я, что так разговор сложится, – тихо сказал Илья.

– Ты до встречи со мной вообще мало думал, – резко сказал Гуров. – Есть такой знаменитый полковник, а я у него негласным помощником стану. Думал ли ты, если я головой тронусь и соглашусь, что со мной будет потом? Как буду жить, как спать? Ты – одно, а «важняк» Гуров, работающий в сыске третий десяток лет, другое, мы с тобой люди разнополюсные, с тебя один спрос, а с меня – совсем другой. Ты бреешься?

– Каждый день.

– Отлично. Значит, ты каждый день свою морду наблюдаешь и руки. Скажи, каким краем ты с уголовниками можешь соприкоснуться? Актерское мастерство? Станиславский? Да пацаненок от трех вокзалов на тебя даже издалека глянет и сразу подумает: вот фраер идет, и бумажник у него в левом внутреннем кармане пиджака либо в заднике, хотя такой может и в чужой карман его положить.

– Отказали, издеваться-то зачем? – Илья покраснел.

– А я тебе не отказал, – быстро ответил Гуров. – Если бы отказал, мы бы с тобой кофе не пили.

– Так чего мне делать?

– Жить, как живешь, и ничего в себе не менять. Машину вот только смени, на таком броском драндулете хорошо в рекламе работать.

– Я на дорогую машину не зарабатываю, – с вызовом ответил Илья.

Разговор можно было бы давно закончить, да одна мысль не давала сыщику покоя. Тридцать человек с машинами пропали в Москве, как в омуте. И разговоры об этом должны среди специалистов ходить, а этот парень молчит,

словно ничего не ведает.

– «Опель» продай, купи подержанную «трешку», отрегулируй, сделай машину, сам понимаешь. Цвет лучше синий. Ты парень не жадный?

– На работе, считай, каждый мне должен.

– Включи им счетчик, не деньгами, услугами, заведи блокнотик, записывай, такой-то помыл машину, минус червонец. У тебя дама завелась из киношного мира, а может, она и дорогая путана. Но ты влюблен дальше некуда. Она желает на «мерсе» кататься, в казино бывать. Обвал! И больше ничего. Левую работу бери выборочно, деньги вперед, с жестянщиком подружись. Ни на какие сомнительные дела не подписывайся. В долг не бери и сам не давай.

– Вот парни шарахнутся.

– Любовь с людьми и не такое делает, – ответил Гуров.

– Легенда мне нравится, хотя жмотом стать трудно. Лев Иванович, я и в одежде должен измениться?

– Нет, в крайнем случае, новые джинсы и кроссовки. Если дружки начнут вопросы задавать, мол, тебе теперь и новый прикид требуется, отвечай, мол, у моей девушки, – о ней говори всегда уважительно, – хахали так разодеты, что и не угнаться. А ты рабочий парень, потому и шанс имеешь. Так она сама сказала. Кстати, такое в жизни часто случается.

– До поры, вскоре парни захотят на нее взглянуть, – сказал Илья.

– Обязательно. А ты ревнивый, гни свое, мол, на свадьбу приглашу, – ответил Гуров. – На крайний случай, если шибко ретивые следить начнут, скажи нам. Найдем девушку подходящую.

– Лев Иванович, а вы не слышали, вроде в Москве несколько дорогих машин вместе с хозяевами пропали? – спросил Илья.

Гуров этого вопроса ждал, но тут на мгновение растерялся и, слегка запинаясь, ответил:

– Слышал краем уха… Болтают наверняка. Машину угнали, продали, а людей куда? Да это вообще не мое, – он махнул рукой. – Я и машинами не занимаюсь, и пропавшие без вести меня не волнуют. Я важняк.

– Вам виднее, однако такие люди говорят, трепаться не будут.

– Все, парень, – Гуров взглянул на часы, сказал свой телефон, велел повторить и помнить во сне. – Звони, ерундой не занимайся. По моим подсчетам, у тебя раньше чем через две-три недели, новостей быть не должно. Поезжай, я еще посижу.

Гуров взял еще чашку кофе, наградил недовольную официантку улыбкой и задумался. Восстанавливая состоявшийся разговор, сыщик пришел к выводу, что выиграл его с минимальным перевесом. В своей открытости, даже наивности, Илья порой становился непробиваем. Как-то не улавливается его главная цель. Предложенная Ильей легенда годилась разве что для парнишки лет двенадцати. Но он совсем не дурак, сам отлично понимает, на предложенной сказке ни далеко, ни близко не уедешь. Или он все городил ради последнего вопроса? Тогда слишком долго ждал, мог бы и не дождаться. Черт его знает! Поговорил пять минут, выяснил, что неинтересен полковнику, и занавес. А пять дней таскался по городу зазря. Ясно, разговор сам Титов не готовил, так как вел его Гуров. А его реакция на предательство слабовата. И напрашивающийся ответ Илья пропустил. Ведь мог бы запросто спросить, мол, господин полковник, а как у вас лично с нравственностью и сном? Или вы на погоны списываете?

Глава 2

Егор Рощин в мае открывал свой автосервис в семь утра, за что работники не любили бригадира и хозяина, приходилось рано вставать. Егор Егорович жил в десяти минутах хода от своего рабочего стола. А Лева Будяк, жестянщик и маляр, ехал через всю Москву, дремал в метро и клял начальника последними словами. Илья Титов тоже жил неблизко, добирался с пересадкой, потом бежал трусцой. Вадим Алисов, хромой парень, не всегда отличавший гаечный ключ по

номеру, вообще ночевал где-то за городом. Вадька не говорил, но приятели знали, что он снимает угол, часто переезжает с места на место. В сервисе он работал на подхвате, и подметал, и машины мыл, вообще был парнем безответным.

Хозяину катило под сороковник, он прошел Афган и Чечню, добрым на войне не стал, но и лютым не был. К примеру, если видел, что Вадька начинал хромать сильнее обычного, ставил его подсобным к жестянщику Будяку, которому лишние руки никогда не мешали. Егор был танкистом и на практике постигал хитрости моторного дела. Привыкший в полевых условиях чинить машину, обходясь минимумом инструментов, он и на гражданке отличался смекалистостью, чем импонировал Илье Титову. Титов любил железо от рождения и фактически был главным на их шарашке.

Никто особо не вникал, но работяги догадывались, что свой первый капитал Егор Егорович притащил с войны, а что конкретно он украл да как в Москве продал, никто не знал, да и не интересовался. Илье хозяин платил больше, чем другим, даже жестянщик Будяк, до работы и денег злой, на уровень Титова не вытягивал.

Хозяйство жило небогато, на современную технику денег не хватало. Ключ, отвертка, молоток были основным орудием бригады. Правда, у самого Титова имелся хитрый чемоданчик, необходимый, когда на яму ставили «иностранку», но то была забота самого Ильи.

Будяк, как специалист классом лучше других, Илье пару раз говорил: ты, пацан, дурак, тебе на фирме денег бы в два раза больше положили. Илья соглашался, но с насиженного места не уходил. Мне хватает, обычно отвечал он. Да и Егору без меня лавочку закрыть придется.

Лишь однажды с ближайшего сервиса, богатого и современного, пытались Илью перекупить, но дальше разговоров дело не пошло.

На следующий день после встречи с Гуровым Илья взял в шкатулке матери золотое обручальное кольцо, надел и за завтраком спросил:

– Как, мать, идет? Не будешь возражать, если покрасуюсь?

Надежда Викторовна потихонечку переживала, что сын уже взрослый, неплохо зарабатывает, а к женщинам довольно равнодушен, на себя внимания не обращает, ходит в рабочих джинсах и застиранной ветровке, и в парикмахерскую его палкой приходилось прогонять. Увидев на пальце сына кольцо, она обрадовалась, – может, девушка серьезная завелась, ей уже давно хотелось нормальной семьи, внуков.

– Носи, раз нравится, но в принципе сначала женятся и только потом кольцо надевают.

– Ма, ты знаешь, у твоего сына всегда все наоборот. – Он взглянул на часы и заторопился в гараж.

Мать подумала, что все к лучшему, может, и появился кто, да стесняется парень. Ее совершенно не волновало, что в семье потомственных интеллигентов младший имеет за плечами лишь десятилетку и работает простым механиком. Диплом получить нынче – дело нехитрое, свое место в жизни надо найти. Нравится сыну с железом возиться, получается, и дай бог. Не говоря уже о том, что Илья зарабатывал вдвое больше матери, благодаря чему они жили в относительном достатке.

На работу метро везло быстрее машины, да и пробежаться не грех. Кроме того, после смены случалось за компанию и принять, а Илья за руль даже после ста граммов не садился.

От метро до места работы Илья всегда бежал, в армии он спортом занимался серьезно, на гражданке бросил, остались лишь утренние пробежки. Поднявшись на последний пригорок, Илья увидел милицейские машины и несколько пьянчужек, которым всегда до всего было дело. «Стряслось чего? – подумал он. – А чего могло случиться, ведь ворота отомкнули, железо не горит, денег у Егора никогда не бывает, ящик, изображающий сейф, даже не запирается».

Дорогу Илье преградил сержант и миролюбиво сказал:

– Работаешь здесь? Не торопись, опоздал.

– Надо у бригадира отметиться, – ответил Илья, показывая засаленное удостоверение. – Домкрат украли?

– Иди, шутливый, отмечайся, домкрат твой на месте, – мент опустил палку.

Егор, Вадим и Левка стояли кучкой, еще не переодетые в рабочую одежду. Чуть в стороне в «Скорую» задвигали тяжелые носилки. Тут же, на улице, составив ящики из-под бутылок, какой-то мужичок в прокурорской форме соорудил себе стол и стул, разложил бумаги и быстро писал. Рядом с ним стоял, видимо, врач, они перебрасывались словами, не соглашаясь друг с другом.

Илья направился к своим, но его остановил сидевший в милицейской «Волге» штатский:

– Здорово, Титов, можно тебя отвлечь? – И он вышел из машины. – Полковник Крячко. Видишь, какое дело приключилось? Дерьмовое дело, вашего паренька Власова Юрия Васильевича ночью застрелили.

– Да у него только что пацан родился, – не зная зачем, сказал Илья.

– Да уж, хренота, – полковник осуждающе покачал головой. – Ты вчера поздно ушел?

– Со всеми, как Егор ворота замкнул, – ответил Илья.

– Да-да, знаю. – Илья почувствовал на себе изучающий взгляд. – А с пригорка чего бежал?

– Вроде гимнастики. – Илья прямо посмотрел полковнику в глаза. Мужичок-простачок, хитрющий и цепкий, довольно точно определил Илья. – Я в цех не возвращался, Юрке там тоже делать было нечего. Предсезонная подготовка прошла, считай, лето на носу, у всех кони в порядке.

Илья видел, полковник что-то хочет спросить, сомневается.

– Неподалеку автосервис имеется, видать, пошикарнее вашего, – выдавил из себя Крячко и, видно, совсем не то, что на языке крутилось.

– Лучше нашего найти – дело нехитрое. Хуже – оно сложнее, – сказал Илья. – Вы не крутите, полковник, я честно правду говорю.

– Однако не всегда?

– Не Иисус я и не придурок. При Юрке деньги нашли?

– А как ты думаешь? – вопросом на вопрос ответил полковник.

– Нашли небось около тысячи новыми, – уверенно сказал Илья. – Вот вы головы и ломаете, за что парня убили, если деньги не взяли? Видно, знал неположенное? – Илья отвернулся и посмотрел на приятелей, которые пили пиво из банок.

– Ты как со следователем закончишь, подойди, еще побеседуем, – полковник сказал это таким тоном, словно и не сомневался – парень никуда не уйдет, и беседа состоится.

– Светке, жене Юрия, сказали?

– Позвонили, ее «Скорая» вместе с малышом забрала, – полковник кивнул и снова присел на сиденье машины. Он словно ждал чего-то.

Илья подошел к своей бригаде, пожал всем руки.

– Жизнь какая-то сучья, – сказал Егор. – Я уж этой костлявой столько навидался, на взвод хватит, а все равно за сердце берет. Как работать будем, и так еле вытягиваем, за Юркины деньги никто ишачить не пойдет. Не завистливый я, но как на хоромы Полоза взгляну, дурею. Ну как это он так выкручивается, что у него на все хватает? Работает хуже, получает больше, как при коммунизме.

Илья относился к хозяину неплохо, хотя и не раз ловил его на лжи. Но Егор точно ел из одной тарелки со своими ребятами, имел «мерс» еще крепкий, а в остальном не выделялся. Неподалеку от них стояла еще одна станция, начала она работать лишь два года назад, уже поднялась, ребята на иномарки сели, постоянно клиентура из богатеньких. В общем, кругом у всех прилично, вот только у них деньги от клиента до клиента, концы с концами то сойдутся, то

разойдутся.

– Титова к прокурору! – крикнули издалека.

Илья подошел к ящикам, за которыми сидел следователь прокуратуры, мужчина среднего роста, полноватый, с заспанными глазами.

– Садись, Илья, у меня такая странная фамилия – Гойда, зовут Игорь Федорович. Твои паспортные данные мне известны. – Он поправил лежавшую перед ним папку. – Обычно, Илья, ты приходишь на работу одним из первых, чего сегодня припозднился?

– Я от метро бегу, Игорь Федорович, сегодня ногу слегка подвернул, на тротуар сел, растирал, прошло.

– Бывает, – следователь пока ничего не писал. – Деньги при Власове нашли. Ты лично сколько давал?

– Сотенную. Мы скинулись ему на подарок, потом решили деньгами выдать, женщине ведь всегда виднее, что купить, – ответил Илья.

– Верно решили, – следователь все не писал и смотрел куда-то в сторону. – Убили явно с целью грабежа, а вот деньги не взяли; считай, такое впервые в моей практике, – Гойда почесал лысину. – Какой грабитель сюда забредет, в вашу мастерскую, ведь никаких дорог мимо не проходит? Сюда разве что пьяный может забрести. Кто же будет в бухарика из пистолета стрелять, когда с него и кирпича достаточно?

Илья легко выдержал взгляд следователя, пожал плечами, ответил:

– Юрка уходил со всеми и трезвый. Пузырек выпили на всю команду.

– В котором часу? – спросил следователь.

– Засветло, восьми еще не было.

– А убили его после часа ночи, – рассуждал следователь. – Он наверняка домой торопился. Зачем вернулся?

– Делать ему тут было нечего, Игорь Федорович, – уверенно ответил Илья. – У Полоза случается, что задерживаются, так не до ночи же.

– Кто такой Полоз?

– Фамилия такая смешная. Хозяин станции за поворотом, отсюда с километр, наверное, – обстоятельно ответил Илья.

– Убитый с соседями дружил? Ну, не со всеми, хотя бы с кем-нибудь одним? – спросил Гойда.

– Не видел, мы с ними отношений не поддерживаем. Они люди богатые. Сейчас подъезжать начнут, увидите, на каких машинах, – с некоторой завистью сказал Илья.

– Мастера хорошие?

– Какие там мастера! – Илья сплюнул. – Вы, начальник, меня о них не пытайте, не люблю я их, могу и наговорить.

Неподалеку остановилось «Пежо», из него быстро вышел Гуров. Все милицейские сразу подтянулись, Гойда тоже закрыл папку и сказал:

– Ну, Илья Титов, будут вопросы, вызову. Если ты что ненароком вспомнишь, звони мне или в милицию, – и, подхватив портфель, направился к Гурову и его подчиненным.

– Привет законнику и руководителю, – Гуров пожал руку Игорю, старому приятелю.

– Здравствуй, Лев Иванович, – Гойда ответил мягким рукопожатием. – За что-то зацепились, вот за что конкретно, понять не могу.

– Не зацепились, а напрямую вышли на банду убийц и угонщиков, – уверенно сказал стоявший здесь же Станислав. – Правда, некоторая несуразица все же наблюдается.

Гурову вкратце пересказали события прошедшей ночи.

– Мы имеем труп, прострелена голова. Тело обнаружено в нескольких метрах от станции техобслуживания. Это все, больше никаких выходов у нас нет и, как я полагаю, не предвидится, – сказал Гуров, повернулся к Станиславу и спросил: – Или ты что-нибудь утаил?

– Не успел я ничего сказать, а ты уже так яростно решил доказать, что убийство к нашему делу не имеет отношения…

– Так мы тебя слушаем, – Гуров злился на свою категоричность и добавил: – Станислав, я полностью на твоей стороне и не хотел никого обидеть.

– Начнем с мотива. При убитом находилось около тысячи рублей, товарищи скинулись Юрию на подарок по случаю рождения сына.

Гуров болезненно поморщился и заметил:

– Убийство с целью грабежа отпадает.

– Покойный ушел вместе со всеми, значительно позже он вернулся, – сказал Станислав. – Можно предположить, что у него с кем-то была назначена встреча.

– Поздно он вернулся или сравнительно рано, мы не знаем, приблизительно известно только время убийства, а не возвращения, – Гуров взглянул на Станислава. – Я не возражаю тебе, а только уточняю, что является фактом, а что лишь предположение.

По шоссе, у которого стояли сотрудники, пронесся «Мерседес-300», за ним «Ауди-100», следом еще один «Мерседес» подешевле.

– Съезжаются работники соседнего автосервиса. Господин полковник, вы чувствуете разницу? – спросил Гойда.

– Игорь, твоя нелюбовь к богатым людям общеизвестна. Станислав, продолжай, пожалуйста.

Крячко, услышав столь вежливое обращение, чуть не вздрогнул. Он не знал, что Мария накануне отъезда устроила мужу выволочку, обвинив Гурова в высокомерном и даже грубом обращении с подчиненными.

– Пожалуйста, – Станислав слегка поклонился. – В четыре утра мы пустили по следу собаку. Пес уверенно шел от трупа в сторону соседнего автосервиса. Почва каменистая, частично асфальт, интересных следов не обнаружено. Последнее. Парень был убит выстрелом в затылок, почти в упор.

– Врач убежден, что пистолет имел глушитель, – вставил Гойда.

– Человек, пользующийся таким оружием, редко обыскивает карман жертвы, – добавил Станислав.

– Так в какую сторону ушел убийца и где собака потеряла след? – переспросил Гуров.

– Вышел на шоссе, – ответил Гойда.

– Игорь, прошу тебя, приложи максимум усилий и установи связь между жертвой и работниками соседнего автосервиса. – Гуров кивнул и пошел к рабочим, которые так пока и не переоделись и работать вроде не собирались.

– Здравствуйте, – сухо сказал Гуров. – Горе есть горе, беда не ищет человека, она слабая, сама натыкается. Я полковник Гуров, мы будем разыскивать убийцу. Дело дерьмо. Трасса, новостройка, каменистый грунт. Каждый может найти объяснение своей неудачи. Но я гарантирую, что люди будут стараться. Следователь прокуратуры и оперативники зададут вам еще тысячи различных вопросов. Терпите, а если можете помочь, то сами понимаете… Егор Егорович, на станции никогда не появлялось огнестрельное оружие? Никто не предлагал купить?

– Такого отродясь не было, – ответил Рощин. – Следователь всех пытал, не дружил ли Юрка с соседями? Так я вам официально отвечу, что мы такого не

замечали. И деньги у нас разные, и водка другая, и девчонки не такие.

– А работники у них хорошие? – спросил Гуров.

– Может, где и получше нас, но спеца класса Ильи у них нет, – Рощин указал на Титова.

– Не прощаюсь, будем видеться. Егор, по дружбе мужской говорю, если ты сегодня лавочку не откроешь, будет только хуже. Поминками позже займетесь.

– Парни, работать! – приказал Егор. – У кого жена посвободнее, пусть к Светке Власовой поедет.

Хозяин соседней станции Анатолий Иванович Полоз оказался кряжистым седоватым мужиком с откровенно недобрым взглядом. Он стоял, набычившись, против Станислава и уверенно говорил:

– Убивают по сто раз на дню! Ежели каждый раз работу останавливать, ноги протянешь. Ты мне справку в налоговую инспекцию дашь, что я день не работал?

Станислав широко улыбнулся. Люди, хорошо его знающие, в такой момент старались отойти от сыщика подальше.

– А почему на «ты», Анатолий Иванович? – улыбка стала еще шире, как в передаче «Куклы». – Почему только день? Я полковник из главка, не простой участковый, я меньше пятнадцати и устраивать стесняюсь.

– Мальцов пугай, ментяра! – и событие утра, и утренний опохмел ударили по нервам Полоза. Он хоть уже и понимал, что едет не в ту сторону, но остановиться не мог.

– А вы знаете, уважаемый, сколько непредвиденных событий может произойти с человеком в камере за пятнадцать суток?

Крячко глянул в небо, словно подсчитывая возможные неприятности, сам же пытался в это время сориентироваться, где полезней будет находиться хозяину автомастерской.

Тяжелая рука Гурова разрешила его сомнения, легла на его плечо, а голос, в котором каждый россиянин узнавал крупные неприятности, спокойно произнес:

– Полковник Гуров из главка. А вы, как я понимаю, хозяин ремонтно-технической станции Полоз Анатолий Иванович? Угадал? С вас сто граммов, пошли в контору. Неудобно большим начальникам прилюдно в физиономии друг другу плевать.

Они направились в помещение. Перешагнув порог железных ворот, Гуров излишне громко произнес:

– Полковник! Займитесь делом. Воспитание человека лежит на хрупких плечах педагогов из детсадов и школ, а нам приходится только наказывать.

Он вошел в далеко не скромно обставленный кабинет Полоза и мазнул взглядом по элитной секретарше так, словно желал, чтобы девица сразу забеременела.

– Чаю! И покрепче! И без всякого сахара!

Гуров терпеть не мог разговаривать в подобном тоне, но Полоз был как раз тот человек, который понимал лишь хамство в чистом виде.

Когда секретарша внесла поднос с чаем, Гуров резко развернулся и шагнул к директору, отчего тот почувствовал приступ удушья. Сыщик умышленно демонстрировал силу в присутствии женщины, которая вдосталь натерпелась и наползалась в этом кабинете. Гуров готовил ее на вербовку.

– Кому, родной, за «крышу» платишь? Сухому? Крещеному? А из наших? Только быстро и без запинок, отвечай, как зубрила-отличник.

Директор указал взглядом на секретаршу, Гуров расхохотался.

– Ты, когда выпьешь, знаешь, как разговариваешь? Мне уже кассеты с твоими исповедями складывать негде. Так кто парня порешил, я знаю. Кто команду дал?

– Господин полковник, клянусь, меня не было! – Полоз прижал руки к груди.

Гуров повернулся к нему спиной, взглянул на секретаршу. Девочка отрицательно покачала головой.

– Ладно, с таким дерьмом разберемся, – Гуров сбавил тон. – Днями большое начальство проезжало, некий Карандаш заметил, что на одной дороге, считай рядом, две станции техобслуживания, а разнятся, словно одна в Алабаме, другая – под Рязанью. Зачем гусей дразнить? Сгореть хочешь?

– Так упрямый, собака, не платит.

– А с мертвого больше получишь? Скажи, чтобы беспроцентный выходной на полгодика предоставили. Понял? – Гуров отошел к окну, пряча лицо в тень. Он понятия не имел о системе бандитского налогообложения. Затем он пошел было к двери, но вдруг остановился, словно что-то вспомнил. – Убийствами в министерстве занимаюсь я, мне твое ни к чему. Разберись. Тебе с делом не повезло, прокурорский чистенький, не подкопаешься, и мой зам, с которым ты на пустом месте свару затеял, из настоящих сыщиков, не отступится.

– А я тут при чем? Шлепнули парня в стороне, у мастерских Егора. С меня спрашивать не по совести, господин полковник, – плаксиво запричитал Полоз.

– Покойник от тебя шел, собака след взяла. Да и что ночью он тут гулял? Лунатик, что ли? Да, еще, – он взглянул на секретаршу. – Девчонку не трогай, работает и работает. – И ушел.

Всей группой проехали к Гурову. Гойда, которому приходилось писать больше всех, занял стол Станислава. Тут прибыли и сыщики Валентин Нестеренко и Григорий Котов, они бросились к ничейному столу, Гуров, естественно, занял свой, на ногах остался один Станислав.

Гуров взглянул на друга с хитрецой и сказал:

– Дело непосредственно поручаю тебе, друг милый, так что рассиживаться некогда. Командуй. Я выскажу свое мнение, а ты как хочешь – считайся с ним

или нет. Убийство привязано к нашему делу лишь наличием станций. Но раскрывать его необходимо, действуй. Зона поделена и принадлежит авторитетам Сухому и Крещеному. Первый держит Полоза, мальчишка из новой волны, а Крещеный имеет пять ходок, старая кость, видал, приличную станцию совсем сожрал. Разговаривая с людьми, ты можешь сыграть на этом противостоянии. Все. Командуй. – И он закурил.

Оперы Нестеренко и Котов не служили в министерстве. Бывшие сотрудники, теперь пенсионеры, они работали в частном сыскном бюро, подчинялись давнишнему приятелю Крячко и уже не в первый раз «пахали» в группе главка. В благодарность генерал помогал бюро, а возможности у Орлова были значительные.

Гриша Котов был невысокий носатый еврей, Нестеренко Валентин – рослый русак и ярый антисемит, любивший Гришку, как может только любить одинокий пятидесятилетний мужчина. Котов заставлял друга читать в свободное время Библию, в иудейскую веру не перевел, но уважать свой народ заставил. Все это не имело к работе никакого отношения, но Гуров считал, что у хорошей пары оперативников должна на двоих иметься одна пуповина. По такому принципу группа и была слеплена: Гуров – Крячко четверть века вместе на оперативной работе. Нестеренко и Котов столько же в милиции и никак не могут решить между собой вопрос о происхождении Христа.

Генерал Орлов стоял несколько в стороне, своих ребят он любил, следил, чтобы не шалили, и даже себе не признавался, что завидует интуиции и таланту Гурова.

– Господин следователь прокуратуры, мы вас внимательно слушаем. Гриша, записывай, – сказал Станислав.

– Сегодня же съездить в больницу к жене погибшего. Главный вопрос. Находился ли он дома вчера вечером, когда пришел, ушел, как себя вел, что говорил? Почему деньги, собранные бригадой, не оставил дома? Лев Иванович, это я попрошу сделать вас. Еще нужно побеседовать с людьми из группировок Сухого и Крещеного, выслушать их мнение об убийстве. Исполнитель – Станислав. Время – до завтрашнего утра.

– А не мало мне будет, Игорь? – ласково поинтересовался Станислав.

– Окажется мало – добавим, – вставил Гуров.

– Кстати, Лев Иванович, надо бы съездить в морг, выяснить все о пуле, – невозмутимо продолжал Гойда. – Валентин и Григорий, вы не были на месте преступления, как я понимаю, Лев Иванович сделал это умышленно. Поезжайте, почувствуйте атмосферу, установите, с кем из рабочих Полоза поддерживал связь убитый.

– Да кто же нам скажет? – возмутился Нестеренко.

– Никто, – ответил Котов. – Для этого и требуется такой нос, как у меня, тут унюхать надобно. И твоего боевого коня мы сначала загоняем на яму в хозяйство Полоза, потом я торгуюсь и мы перегоняем его к Рощину.

– Вроде до утра, господа сыщики, вам работы хватит, – задумчиво произнес Гойда. – Затем мне очень не нравится сам выстрел в затылок. Выстрел палача. Придется покопаться в биографиях. Пожалуй, этим я займусь сегодня же.

– Ну, слава богу, – облегченно сказал Станислав. – А то я уже решил, что ты деваху завел.

– Лев Иванович, у вас что имеется? – спросил Гойда.

– Имеется, но не скажу, – ответил Гуров. – Понимаешь, Игорь, поешь ты здорово, но души в твоих словах нет. Ты каждому оболтусу обязан внушить, что только на него и надежда. Иначе они и работать будут, как ты излагаешь, от сих и до сих. Десять минут на треп и пошли.

– Покойный уходил от Полоза спокойно, шел с человеком, которому доверял, – высказался Станислав. – Почему не по шоссе? И вообще, куда они шли?

– Я вас, оперативников, не пойму, – Гойда пожал плечами. – Ведь вопрос в том, почему застрелили парня? Получим ответ, так и составим всю картину.

– Каждый об этом думает, – тихо сказал Котов. – Но и каждый знает, что никогда окончательный ответ не получаешь сразу. Ищем подходы или, как говорят в геометрии, пытаемся сделать дополнительные построения.

– Почему они все время шли параллельно шоссе, а, сделав выстрел, убийца сразу вышел на шоссе? – спросил Нестеренко.

– Ночью люди на шоссе привлекают к себе внимание. Калымщик – дурак, может приостановиться, предложить подвезти. Значит, мог запомнить. Убийца сразу вышел на шоссе, так как за ним пришла машина, – объяснил Гуров. – Все! По коням!

Ресторанчик построили с год назад, и он не отличался от подавляющего большинства своих собратьев, которые нынче появились в Москве. Не модный, не звонкий, он не привлекал к себе особого внимания. Располагался ресторан недалеко от Окружной и назывался «Веселые парни», его хозяин – азербайджанец лет сорока, крепко сбитый, – имел всегда под рукой бейсбольную биту и пистолет на случай крутых разборок. Посещали ресторан в основном мужчины, встречались и женщины, подруги крутых парней и проститутки, потерявшие и повидавшие все на свете. «Девочек» не трогали, считая, что они своим присутствием сглаживают криминогенную обстановку.

Сюда заходили боевики тихо враждующих группировок и менты в штатском, о коррумпированности которых знали все, даже в отделе кадров. Живучесть таких ментов основывалась на их крайне умеренном аппетите. Скромный ужин да бутылка в карман, вот и все дела. Вечера здесь проходили однообразно и тихо, хулиганов не уважали, а сильно пьяных отвозили домой друзья.

Азер, так в быту между собой звали хозяина, устроился хорошо, коньяк ему привозили с родины, овощи сбрасывали проходящие в город фуры, за мясо, правда, приходилось платить, но и готовил он его отменно.

Когда в зал вошли двое мужчин, Азер слетел со своего «капитанского мостика», встретил гостей молчаливым поклоном, он знал, что прибывшие рекламу не любят, да и не нуждаются в ней. Хозяева техстанций Анатолий Полоз и Егор Рощин хотели после тяжелых суток слегка расслабиться, перекусить и решить кое-какие вопросы.

Кокетливая блондинка сразу принесла закуски и спиртное, вкусы гостей здесь были прекрасно известны.

– За упокой души раба Божьего! – поднял тост Полоз.

Рощин кивнул и молча выпил.

– Егор, мы тут посоветовались и решили на полгодика освободить тебя от налогов. Крещеный недоволен, не дело, говорит, когда на одной трассе бедный и богатый стоят.

Предложение оказалось столь неожиданным, что Рощин, наполняя рюмки, плеснул на скатерть.

– И сколько с меня опосля за такой подарок возьмут? – спросил Рощин, твердо решив отказаться.

– То не я решаю, сказано, что бесплатно. Отдай мне мальца своего, Илюшку. Я за него тебе подъемник подарю, твой совсем плохой, а мне по случаю немецкий задешево достался.

– Мне завтра платить, пусть приходят, как обычно, я в должниках в жизни не ходил, – сказал Рощин и словно камень с души снял.

– Мудак ты, Егор, я же тебе слова Крещеного передал, коли не по нраву, то с ним и объясняйся. – Лицо Полоза набрякло. Человеку задарма такие деньжищи отдают, а он еще и несогласный. Верно в народе говорят – у Рощиных дед богатым человеком слыл. Оттого красные и шлепнули его. Вот у Полоза все только пили и забот не знали, а сегодня копейку ни у кого не допросишься. Как ни крути, а советская власть жестче и мудрее была.

Рощину надоело ходить вокруг да около, он спросил напрямки:

– Твои вчера до которого часа шабашили?

– Вроде около двенадцати свернулись. С «мерсом» с ума сошли. Он восемьдесят седьмого года, электроники, как на самолете, а ребята в таком деле, сам понимаешь. – Полоз махнул рукой. – С меня, старого пня, какой спрос? Молодые в десять лет уже кумекают. Я опасаюсь со стороны электронщика пригласить, может выясниться, что он в электронике-то силен, а машину не понимает.

– Так Илья вроде разговаривал с тобой, да чего-то у вас там не сладилось, – сказал Рощин.

– Не знаю, чего он за тебя так держится, ведь платишь ты мало. Поговорил бы с ним, и я бы тебя не обидел, – Полоз глянул вопросительно.

– Супротив желания Ильи не пойду, но уговаривать тоже не стану. Если Крещеный не передумает и позволит встать на ноги, я у тебя кое-что подкуплю. Какой там Илья? Мне после смерти Юрия толковый механик требуется, молодой, современный. Сам знаешь, какие нынче машины пригоняют. Да и клиент уже не чайник, сам разбирается.

Разговор получился недобрый, сильно разные были мужики.

А Гуров сидел в это время в больнице, пристраивал на тумбочке букетик цветов.

Малыша унесли, и мать выпрямилась, смотрела на сыщика ясно, но сторонне.

– За цветы, конечно, спасибо, но вы меня зря мучаете. Неужели вы думаете, что если бы я знала предполагаемого убийцу, то промолчала? Криминала в нашей жизни никогда не было, зайдите в дом, убедитесь. Я сказала следователю ясно и все полностью. Вчера Юрий пришел как обычно, около десяти, трезвый, но с запахом. Ужинали, хозяйские дела обсуждали, я покормила маленького, и мы легли спать. В половине первого зазвонил телефон. Я знаю время точно, потому что очень разозлилась и на часы посмотрела. Юрий трубку сорвал и по матушке послал, мол, знаешь сам, что ребенок у меня. Потом с минуту молчал, слушал, даже рассмеялся, и говорит, мол, если я такой начальник и ты машину пришлешь и заплатишь наличными, то через сорок минут подъезжай к подъезду. Тот ему что-то сказал, а Юра спросил, еще удивился, почему, мол, к булочной, до подъезда бензина, что ли, не хватит? Все. Чаю выпил, сумку взял и уехал.

Гуров вернулся в министерство сильно не в духе: на разговор с женой погибшего он возлагал определенные надежды, которые не оправдались. То ли женщина еще не поняла, что произошло, и не отошла от шока, а возможно, что жили они

без любви, и рождение ребенка лишь прибавляло забот. В общем, Гуров ни черта не понял, а он такое крайне не любил. Ребята были в разгоне, и Гуров оказался полководцем без войска. Редко так случается, но телефон зазвонил вовремя.

– Слушаю вас внимательно, – голосом автомата проговорил Гуров, хотя Орлов довольно жестко предупредил его, чтобы не валял дурака, здесь не парикмахерская, человек может звонить в истерике. Представься, мол, и все.

– Здравствуйте, Лев Иванович. Титов говорит, желательно встретиться.

– Подъезжай на Октябрьскую, метров сто от площади в сторону Градских больниц. Понял?

– Конечно. Минут через тридцать, если на мосту в пробку не попаду, – ответил Илья.

– А ты заезжай от Кремля, там свободнее. – Гуров положил трубку, разделся до пояса, умылся и растерся, в общем, освежился.

На месте встречи Гуров сразу увидел долговязого парня, молча прошел мимо, свернул в Нескучный сад. Вскоре он дал догнать себя и не очень дружелюбно спросил:

– Что у тебя?

– Насчет Власова, – ответил Илья.

– Что ж, интересно. И что ты по этому поводу думаешь? – спросил Гуров и, чтобы смягчить свой тон, обнял парня за плечи.

– Не знаю статистики, но, по моему разумению, просто так не убивают. – Илья освободился из-под руки Гурова. – Стрелял человек не из группировки. У них «калашниковы», да и нет дел бандитам до такого парня. Это кто-то из парней Полоза. У нас никто пистолет держать не умеет. А чтобы в затылок, так никогда.

– Ты хорошо стреляешь? – неизвестно к чему спросил Гуров.

– Хорошо. Но у меня, господин полковник, стопроцентное алиби и полное отсутствие мотивов, – зло ответил Илья.

– Полный набор для хорошо подготовленного убийства. – Гуров понял, что от беспомощности несет чушь, и сказал: – У нас одна зацепка – место преступления. Почему жертву потребовалось зазывать к станциям? Что, в Москве около двух ночи другого подходящего места нет?

– В другое место Юрий в такой час не поехал бы.

– Почему? И вообще, Илья, хочешь говорить – выкладывай, а не хочешь – носи в себе. А намеки оставь для девушек.

– Грубый вы, Лев Иванович, не к лицу вам, – неожиданно сказал Илья.

– Извини, меня ваше убийство шарахнуло. Оно вроде как ни к селу, ни к городу и не к месту.

– Да? – Титов остановился.

«Парень собирается сказать что-то важное, а я разговариваю черт знает как», – подумал Гуров.

– А кольцо тебе идет. Ребята обратили внимание?

– Не знаю, они на труп смотрели, – ответил Титов.

– Согласен, я не прав, у тебя серьезные новости, а я грублю, задираюсь. Извини старика.

Парень помолчал, взглянул испытующе и через силу произнес:

– Не знаю, как начать.

– Лучше с самого начала, коли не получается, говори, что легче сказать, – посоветовал Гуров.

– Юра странный парень был, мы и не на работе иногда с ним встречались, – Титов вздохнул и замолчал.

– Как время проводили? Одни или с девушками? – спросил Гуров.

– Пока Юрка холостым ходил, то и девчонки случались. А как он к Светке прилип, так втроем, бывало. Только он ревновать начал, я почувствовал и отстал.

«А говоришь, повода не было», – подумал Гуров и спросил:

– В чем Юра тебе странным казался?

– Фантазия у него была необычная, – ответил Илья и улыбнулся. – Он, к примеру, считал, что в истории с пропавшими машинами и водителями наши соседи, то есть Полоз с ребятами, виноваты.

– Интересная версия и перспективная, учитывая, что Юрия ночью там и убили. – Гуров помолчал. – А он просто фантазировал или какие-то факты приводил?

– О покойниках плохо не говорят, но Бог меня простит, – Илья неожиданно перекрестился. – Юра, бывало, завидовал людям. Так, когда соседи развернулись, стали деньги приличные делать и старые свои тачки на иномарки менять, Юрка аж осунулся. И с каких-таких денег, говорит, так, за здорово живут? Я ему: брось напраслину возводить, не в торговле вкалывают, им украсть негде. Он меня лопухом обозвал, посоветовал внимательнее газеты читать.

– Я знаю, многие из механиков очень неплохо живут, – вставил Гуров и впереди увидел идущую по аллее компанию.

Он подтолкнул Илью в кусты, они продрались сквозь небольшую чащобу и вышли на другую аллейку. Никогда опер Гуров не гулял со своим агентом по улице, тем более по парку, где можно встретить кого угодно. Мир велик, только когда ты чего-нибудь ищешь, а понадобится укрыться, так этот мир тотчас превратится в коммунальную квартиру. В любой момент, хоть на Северном полюсе, встретишь самого ненужного человека. Идешь по пустому парку и в ус не дуешь, а тебе вдруг: «Здрасьте, Лев Иванович, как здоровьишко?» Глядишь, а

под кустом компания пузырек распивает, и все только вернулись. А одного из них ты лично пять лет назад в прокуратуру сдавал. А живет твой «лучший друг» в одном дворе с тем же Полозом, и завтра, даже не со зла, а так, язык почесать, сообщает ему, что видел самого Гурова в Нескучном с незнакомым парнем, наверняка ментовским агентом, потому как полковники угро по садам да паркам даже с женами не гуляют. Слово за слово, и вот уже лежит мальчик Илья Титов с перерезанным горлом.

И так ярко опер эту картину увидел, что ему, словно курсистке из дореволюционного романа, плохо стало. Илья заметил, спрашивает:

– Лев Иванович, вам нехорошо?

– Мне не слишком, Илья. Давай несколько минут здесь постоим и разбежимся. Я совсем плохой стал, не спросил, что это ты вдруг средь бела дня свободным оказался?

– У меня отгул был, я и отпросился.

– Понятно.

– Вот так же «понятно» сказал Егор Егорович и отпустил меня. Да, новость у нас, у хозяина деньги появились. Мы теперь старый подъемник в металлолом, а на его место очень приличный у Полоза берем.

– Они дружат?

– Ни в жизнь, но сегодня поутру улыбались друг другу, – ответил Титов.

– Значит, у них отношения лучше стали?

– Сегодня лучше, завтра, может, погрызутся. Хотя нет! – Титов засмеялся. – Они мной торгуют, им дружить следует.

– Как торгуют? – не понял Гуров.

– Давнее дело. Полоз то хочет меня к себе взять, то отказывается. Сегодня у меня спросил, мол, пойдешь ко мне, я тебе сотенную накину? Жмоты. Да я сотенную могу с любого хозяина дорогой иномарки взять. Лишь бы человек был уверен, что машина в хороших руках.

– Ты к Полозу пойдешь?

– Нет. Я из того района вообще ухожу: и ездить далеко, и заработки хреновые.

– Ты обожди с недельку, – попросил Гуров.

– Вы на меня волком не будете кидаться? Тогда обожду.

– Договорились.

Гуров шел прочь и думал о том, что Илья Титов мальчик совсем не простой. То неделю следом по Москве утюжит, то уходить собрался, условия начинает ставить. Что-то ты уши развесил, сыщик. Ситуацию следует с Петром и Станиславом прокачать.

Сверкая генеральскими погонами, Орлов шел по коридорам министерства. Сам того не замечая, в коридорах и чужих кабинетах Петр Николаевич держался совсем иначе, чем в собственном «логове». На людях у генерала появлялась строевая выправка, легкий быстрый шаг, порой он даже что-то напевал. Объяснялась столь разительная перемена крайне прозаически: генералу скоро шестьдесят, он в министерстве чуть ли не первый кандидат на пенсию, за глаза его многие звали «дедом». А он чувствовал себя Петром Орловым, максимум сорокалетним человеком, постоянно готовым к резким оперативным действиям. В кабинете, среди своих, можно распустить живот, сутулиться, даже шаркать и недовольно ворчать. Свои знают ему цену, любят и считают первым сыщиком России, зазнайку Левку Гурова можно не считать, какой он ни талантливый, а его, Петра Орлова, дитя. А на людях иное дело – орел-сыщик, накося выкуси. И совсем не оттого, что боялся пенсии. Просто Орлов себя молодым чувствовал.

Шел генерал к новому замминистра, своему нынешнему непосредственному шефу, с которым в данном качестве никогда прежде не встречался. Знакомы они

были более двадцати лет, но вместе не работали.

Когда на освободившуюся вакансию зама назначили генерал-лейтенанта Бодрашова, большинство офицеров министерства обрадовались. Новое правительство расставляло на ключевые посты, как правило, своих молодых соратников. И в министерстве все боялись прихода молодого «варяга», который начнет перестановки, не понимая существа дела, желая отличиться, станет приглашать новичков из молодых, многие из которых сызмальства не любят милиции. Приход на должность замминистра «Бодраша», так старые офицеры называли нового зама, курирующего основной главк – уголовный розыск, вселил в людей оптимизм. Зам был истинным ментом, начинал опером в отделении, служил в МУРе, руководил райуправлением, даже около года работал начальником УВД крупной области.

Хвастаться Орлову было совершенно нечем, но шел он спокойно: с коллегой всегда договоришься.

Секретарь четко поздоровался, открыл перед гостем двойные дубовые двери, и Орлов оказался в кабинете, где бывал множество раз.

– Здравия желаю, поздравляю с назначением, Алексей Алексеевич, – сказал Орлов, которого в первое мгновение несколько покоробило, что хозяин не вышел из-за стола, лишь махнул могучей рукой, указывая на кресло.

В молодости Бодрашов увлекался самбо, был чемпионом «Динамо» в тяжелом весе, имел рост под сто девяносто и вес около ста двадцати. В общем, Бодраш был большой мужик, в отличие от гостя, с отнюдь не простецким лицом, а на службе хорошо ли он относился к кому-то, неважно ли, но был со всеми сдержанно-корректен.

– Здравствуйте, Петр Николаевич. – Хозяин откинулся на спинку кресла, оно жалобно застонало. – Уж коли мы столько лет обращались по имени-отчеству, так и оставим. А случится выпить да песни спеть, тогда и поглядим.

Орлов согласно кивнул и сел. Он был без портфеля, даже без папки.

– Знаете, читать не люблю, – неожиданно заявил Бодрашов.

– Я-то как раз знаю, что вы читать любите, но у торшера, либо на боку. Впрочем, положение в главке вы знаете, так зачем мусолить страницы? Мы, с легкой руки Гурова, вцепились в непонятные угоны с пропавшими людьми и теперь мучаемся. Нельзя сказать, что пустышка, но серьезно пока говорить не о чем. Загадочная история, хотя я данное словосочетание терпеть не могу. Загадка самим фактом своего существования доказывает, сколь несовершенен твой разум.

– Дело ведет, конечно, полковник Гуров? Не понимаю я его, шибко сложный.

– Что выросло, то выросло, Алексей Алексеевич.

– Да-да, знаю, дежурные прибаутки вашего управления все министерство повторяет. «Ныряй, здесь неглубоко». «Младшего обидеть легко».

– Слушайте, Алексей Алексеевич, мы, конечно, упрямы, слов нет. Но конкретное преступление в определенном смысле для нас принципиально по нескольким позициям.

– Попробую перечислить, – сказал хозяин. – Пропало около тридцати экипажей, даже для России это многовато. Преступники придумали нечто новое, сыщики не спят спокойно, зная, что противник знает нечто, а они этого не знают. Мы не можем простить около тридцати человек, а может сложиться еще хуже. Сегодня неизвестный нам прием используют лишь несколько человек, но рано или поздно о нем узнают и другие уголовники. Погибнут еще люди, а мы бросимся догонять.

– Если срочно не прооперировать, может родиться легенда, как деловые ловкачи похитили не около тридцати машин с людьми, а три тысячи… Армия ментов с ног сбилась, год ничего сделать не могут. Такие легенды поднимают дух бандитов и деморализуют население. Существует еще один фактор, он масштабом поменьше, но для нас крайне важен. На территории Москвы вблизи от Окружной дороги, между двумя техстанциями, обнаружен труп автомеханика. В этом месте незримо смыкаются зоны влияния двух преступных группировок. Они состоят как из москвичей, так и из бандитов области, и перемещаются в зависимости от обстоятельств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/leonov_nikolay/pocherk-palacha

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити